

Знали бабы в Епифани : «РГ» отправилась на родину Андрея Платонова

В Воронеже, где 120 лет назад родился Андрей Платонов, бывали многие – проездом или «наскоком» на день-два. По пути на юг и обратно, по работе, по случаю длинных выходных и любви к мультяшному Котенку. Краеведческие радости в такие визиты мало кого интересуют.

Книги же Платонова – из тех, что проездом и с наскока не возьмешь. Но даже при беглом осмотре города можно встретить места, которые несут в себе нечто «платоновское». Мы выбрали три.

Паровоз из «Чевенгура»

Первый объект ждет вас прямо на главном вокзале. Его видно с перрона – стоит в скверике слева от здания станции (где, к слову, висит мемориальная доска с пояснением, что Платонов был автором «многих произведений о железнодорожниках»). Паровоз Эр-762-91 – рабочая лошадка больших советских строек. На постаменте строки из «Чевенгура»: «Сквозь сонный, безветренный дождь что-то глухо и грустно запело – так далеко, что там, где пело, наверно, не было дождя и был день. Захар Павлович сразу забыл бобыля, и дождь, и голод – и встал. Это гудела далекая машина, живой работающий паровоз».

Машины серии «Э» выпускались с 1912 по 1957 год. Они исправно служили в Первую мировую и Гражданскую, финскую и Великую Отечественную. Воронежский «эшак» списали всего десять лет назад. Он был выпущен в Румынии в 1951-м – в год смерти писателя, который начинал трудовую деятельность помощником

машиниста. Уважительное и трепетное отношение к всевозможным механизмам Платонов пронес через всю жизнь.

«...кроме поля, деревни, матери и колокольного звона, я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что все делается, а не само родится...» – писал он о своей юности редактору краснодарского издательства «Буревестник» Георгию Литвину-Молотову.

Платоновские герои обращаются с локомотивами как с живыми существами. Порой и ценят их выше людей. Неслучайно Фрося Евстафьева в рассказе «Фро» ревнует мужа к паровозу и микрофарадам, а в рассказе «Старый механик» семья героя состоит «из него самого, его жены и паровоза серии «Э», на котором работал Петр Савельич».

Мощные, но уязвимые без человеческого присмотра машины напрягают силы, чтобы одолевать трудные перегоны, брать крутые подъемы и рваться вперед с предельным давлением в котлах. Люди у Платонова стараются не отставать.

Если залезть на паровоз и закрыть глаза – можно ощутить тот вольный ветер, что бил в лицо машинисту Мальцеву, который ослеп в грозу и вел состав по памяти.

Левин в «Бессмертии» мог «уснуть за беседой об истине жизни и мгновенно проснуться от тревожного гудка паровоза. Он отводил от себя руки жены и друзей, чтобы уйти в полночь на станцию, если чувствовал там горе и беспокойство. В вагонах лежали товары – плоть, душа и труд миллионов людей, живущих за горизонтом».

Сегодня нам этот энтузиазм, пожалуй, и не снится. Но если залезть на паровоз и закрыть глаза – пожалуй, можно ощутить тот вольный ветер, что бил в лицо машинисту Мальцеву («В прекрасном и яростном мире»), который ослеп в грозу и вел состав по памяти.

Корабли из «Епифанских шлюзов»

Вторым местом для размышлений «вокруг Платонова» может стать Адмиралтейская площадь, куда гости Воронежа обычно стараются попасть. Здесь у правого берега водохранилища пришвартован деревянный корабль-музей «Гото Предестинация» («Божье Предвидение») – современная копия первого российского линкора, построенного здесь при Петре Первом. За 17 лет на воронежских верфях ценой невероятных усилий (и невероятных страданий простого народа) построили свыше тысячи кораблей, десять с лишним тысяч барж и плотов.

«Царь Петер весьма могучий человек, хотя и разбродный и шумный понапрасну. Его разумение подобно его стране: потаенно обильностью, но дико лесной и зверной очевидностью. Однако, к иноземным корабельщикам он целокупно благосклонен и яростен на щедрость им», – это «Епифанские шлюзы», письмо британского инженера, сочиненное мелиоратором Платоновым. Повесть родилась в Тамбове, куда писателя командировали из Москвы, дав хороший оклад. Но город жил, по его выражению, «старушечьей жизнью», проекты мелиорации встречали «тысячи препятствий самого нелепого характера». Платонов вел сражения с «противниками дела и здравого смысла», отказывался «отвечать за то, что заранее обречено на провал» – и сочинял историю в чем-то похожего на себя иноземца Бертрана Перри, ставшего жертвой чужих просчетов и природной стихии.

Герой повести по приказу царя должен был устроить судоходный канал между Окой и Доном, и как можно скорее. В сонной провинции, где «технические чиновники умирали и сбегали, а мужики того пуще мutilись и целыми слободами не выезжали на работу», Перри организовал натуральную штурмовщину. Но все напрасно – влага ушла в песок. «А что воды мало будет и плавать нельзя, про то все бабы в Епифани еще год назад знали. Поэтому и на работу все жители глядели как на царскую игру и иноземную затею, а сказать – к чему народ мучают – не осмеливались»...

Река Воронеж, по которой петровские корабли спускались к Дону, в песок не ушла. Но судоходство на ней почти прекратилось.

Гладь водохранилища разрезают лишь небольшие теплоходы и катера. В жару «море» цветет и пахнет, вокруг роскошной «Предестинации» плещется зеленая пеннистая вода. Причина – примерно как в книжке. Торопились, просчитались. Воронежское водохранилище заполняли в спешке летом 1972-го, котлован оказался недостаточно глубоким.

Объект почти из «Котлована»

Приезжие, у которых осталось время и не иссякло любопытство, могут отправиться на окраину города и посмотреть из-за забора на величественные останки последней – для Воронежа – большой советской стройки. План был пожиже, чем у Платонова в его знаменитом романе, но, к счастью, и человеческие жизни местный «котлован» не забирал. Пожертвовать пришлось лишь 130 миллионов тогдашних рублей. На пустыре близ нынешнего микрорайона Шилово возводили не «общепролетарский дом», а, можно сказать, общегородской «обогреватель» – атомную станцию теплоснабжения. Два реактора должны были нагревать воду, а та – под большим давлением течь по трубам к жилым домам.

Строительство начали в 1983 году с размахом и воодушевлением, но возвести успели только часть зданий. Если в платоновском «Котловане» проблема виделась экзистенциальной («Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?»), то воронежцы попросту усомнились в безопасности проекта после аварии в Чернобыле. Против станции выступил ряд авторитетных ученых. Горожане, как старуха Федератовна из «Ювенильного моря», оказались скупы и осторожны в отношении социализма – «мало ли совершается в советском мире расточительства благодаря действию слишком радостных чувств!»

Весной 1990-го на первом в стране городском референдуме народ предпочел «мирному атому» традиционные котельные. Объект законсервировали. Сторонникам прогресса «вместо надежды осталось лишь терпение». Сегодня на площадке виден серый корпус под ржавеющим куполом, похожий на развалины храма, рядом – «лес» арматуры, так и не ставшей железобетоном.

Кстати

В ноябре в Воронежском театре оперы и балета покажут оперу Глеба Седельникова «Родина электричества». Либретто по мотивам рассказов Андрея Платонова. «Мы выжмем море туловищем масс. Но не горюет сердце роковое, моя слеза горит в мозгу и думает про дело мировое», – уверяет солист, закладывая в деревне основу коммунистического рая. «Не мы создали божий мир несчастный, но мы его устроим до конца. И будет жизнь могучей и прекрасной, и хватит всем куриного яйца!» – ликуют хористы в прозодежде, балансируя на наклонном помосте с супрематическими хоругвями.

Спектакль поставили к открытию Платоновского фестиваля-2017 и юбилею Октября. Он входил в репертуар театра, но показывался крайне редко. Так что стоит воспользоваться юбилеем Платонова и, посетив Воронеж, услышать с оперной сцены обнадеживающее «Громадно наше сердце боевое, не плачьте вы, в желудках бедняки, минует это нечто гробовое, мы будем есть пирожного куски».

Татьяна Ткачева

